

1. В Санкт-Петербург вернулся Ленинград // Известия. М., 2009. 28 января. № 13. С. 2; Тесты раскритикованы, а Фурсенко рулит // Советская Россия. М., 2009. 29 января. № 8. С. 2.
2. Сборники боевых документов Великой Отечественной войны. М. «Воениздат». 1953–1958. № 33-36; Документы и материалы кануна Второй мировой войны 1937–1939 гг. М., 1981; Первые дни войны в документах // Военно-исторический журнал М., 1989. № 5-9; *Крикунов В.П.* Куда делись танки? // Военно-исторический журнал. 1988. № 11; Россия – XX век. Документы: 1941 год. М., 1998. Кн. 1-2; Гриф секретности снят: Статистическое исследование / Под ред. *Г.А. Кривошеева*. М., 1993; и др.
3. «Совершенно секретно! Только для командования!». Стратегия фашистской Германии в войне против СССР: Документы и материалы. М., 1967; *Гальдер Ф.* Военный дневник. М., 1969–1971. Т. 1-3; *Типпельскирх К.* История второй мировой войны. М., 1956; Мировая война 1939–1945 гг.: Сб статей / Перевод с нем. М., 1957; Роковые решения: Сб. статей / Перевод с нем. М., 1958; *Гудериан Г.* Танки – вперёд! (Воспоминания солдата). М., 1957; *Меллентин Ф.* Танковые сражения 1939–1945 гг. М., 1957; *Гот Г.* Танковые сражения. М., 1961; *Маништейн Э. фон.* Утерянные победы. М., 1999; и др.
4. Заклинания в эфире // Советская Россия. М., 2009. 27 января. № 7. С. 2; *Моисеев Н.* Расставание с простотой. М., 1988. С. 355; *Кагарлицкий Б.* Тупик русского пути: Возвращение в мировую цивилизацию вечно, потому что неверно // Новая газета. М., 2000. 4-10 мая.
5. *Зеленин И.Е.* О некоторых «белых пятнах» завершающего этапа сплошной коллективизации // История СССР. 1989. № 2; *Данилов В.П.* Дискуссия в западной прессе о голоде 1932–1933 гг. и «демографической катастрофе» 30 – 40-х гг. в СССР // Вопросы истории. 1988. № 3; *Конквест Р.* Жатва скорби: Советская коллективизация и террор голодом // Новый мир. 1989. № 10; Голод 1932–1933 годов. М., 1995; *Зеленин И.Е., Ивницкий Н.А., Кондрашин В.В., Осколков Е.Н.* О голоде 1932 – 1933 гг. и его оценке на Украине // Отечественная история. 1994. № 6; *Кульчицкий С.* Сколько нас погибло от голодомора. Киев // Интернет – «Зеркало недели», [www. migor. kiev. ua](http://www.migor.kiev.ua)
6. См., например: *Исаев А.И.* Антисуворов: Десять мифов второй мировой. М., 2005; *Он же.* Антисуворов: Большая ложь маленького человечка. М., 2005; *Мартиросян А.Б.* Трагедия 1941 года. М., 2008 (200 мифов о Великой Отечественной); *Мухин Ю.И., Шабалов А.А.* Почему врут учебники истории. М., 2008; и др.

Дашкевич Л.А.
(Екатеринбург)

Воспитательная деятельность екатеринбургских приютов

Традиции социальной педагогики в России были заложены в период «просвещенного» царствования Екатерины II. «Генеральное учреждение о воспитании обоего пола юношества», составленное ближайшим советником императрицы И.И. Бецким, сформулировало основные принципы, предназначенные для всех российских воспитательно-образовательных учреждений. Главной задачей их объявлялось создание «новой породы человека», а оптимальной формой воспитания и соответственного обучения – полная изоляция ребенка от влияния неграмотной, грубой и развращенной окружающей среды. Дети из числа «незаконнорожденных», помещенные на долгое время в такие воспитательные дома, могли, по представлениям Екатерины II и И.И. Бецкого, получить необходимые для будущей жизни качества и составить в дальнейшем столь необходимый России свободный «третий чин».

Московский воспитательный дом открыл свои двери для воспитанников в 1764 г., Санкт-Петербургский – в 1772 г. Согласно закону, все их выпускники «в вечные роды» оставались вольными и никто не имел права их закабалить или прикрепить к себе. Воспитанников надлежало обучать каким-нибудь рукоделиям или ремеслам, а самых способных отдавать учиться дальше, в Московский университет или Академию художеств. Те же права получали и питомцы воспитательных заведений в провинции. Именно эта правительственная инициатива, как вполне справедливо полагает современный исследователь А.Н. Соколов, стала началом широкого и систематического сотрудничества государства и частной благотворительности в области народного образования (1). Идея учреждения особых заведений для образования и воспитания детей, от которых по тем ли иным причинам отказались матери, привлекла благотворительные капиталы многих представителей дворянства и купечества.

Первое детское воспитательное заведение в Екатеринбурге возникло по инициативе местного купца Федора Яковлевича Логинова. Прошение об открытии в городе заведения для призрения младенцев купец отправил в Опекунский совет Московского воспитательного дома в 1790 г. После двухгодичной переписки разрешение было получено – 12 ноября 1792 г. Ф.Я. Логинов получил статус попечителя Екатеринбургского воспитательного дома. К этому

времени в его доме уже содержались 10 незаконнорожденных детей. В 1792 г. городская дума предложила передать начинание Ф.Я. Логинова на попечение городскому обществу. Для сбора необходимых средств для воспитанников решено было создать специальный капитал, под названием «сиротская сумма». Пополнялся он традиционным способом: при церквях города помещались кружки сбора пожертвований с надписью «для сирот». Екатеринбургский воспитательный дом разместился первоначально в бывшей богадельне при церкви Сошествия Святого Духа, сюда приносили младенцев и приходили роженицы, желавшие разрешиться от бремени.

Хозяйство воспитательного дома постепенно разрасталось. К началу 1794 г. в его распоряжении были уже два деревянных дома, харчевня и пять лавок, из них одна каменная и четыре деревянных (2). В 1812 г. городская дума приобрела для воспитательного дома специальное здание на Сибирском тракте. Это был каменный дом «в трех покоях со сводами», в котором прежде находились харчевня и питейный дом (3). Закупили для детей также кровати, столы, колыбели, постельное белье и одежду. Ведомость о состоянии движимого и недвижимого имущества воспитательного дома, составленная его попечителем А. Кузнецовым, перечисляет весьма незатейливый набор детской одежды – это были покрывальца, платки, свивальники, потнички для младенцев и рубашки, халаты, нанковые жилеты, панталоны, фуражки, фабричные черные сюртуки, подбитые холстом – для детей постарше (4).

Функции хозяйственного руководства Екатеринбургском воспитательным домом лежали на попечителях, выбранных городским обществом. В 1812–1822 гг. обязанности попечителя исполнял Григорий Исаевич Чирьев, в 1822–1824 гг. – Алексей Дрозжилов, в 1825–1826 гг. – Федор Ерусалимов, в 1827–1828 гг. – Александр Кузнецов. Непосредственный присмотр за детьми осуществляла надзирательница. Она опекала детей, находящихся в воспитательном доме и принимала младенцев. Часть из них надзирательница оставляла под своим присмотром, а часть раздавала «на квартиры» нянькам. Плата няньке за попечение о детях составляла 2 рубля 50 копеек в месяц. В помощь надзирательнице в течение года обычно приглашалось 10-15 нянек-кормилиц, что было совершенно недостаточно. Некоторым из них приходилось заботиться одновременно о двух-трех, а иногда и о четырех младенцах.

Врачебного контроля за состоянием здоровья воспитанников, очевидно, не предусматривалось: ни одного упоминания об осмотре питомцев врачом или об их лечении в архивных делах не сохранилось. Невелики были и средства, выделявшиеся Екатеринбургским городским обществом на содержание воспитательного дома. К моменту своего закрытия в 1828 г. корпус дома обветшал, а в некоторых местах и обвалился.

Как и многие другие заведения этого рода, Екатеринбургский воспитательный дом страдал от высокой детской смертности. Это бедствие было «сущим бичом сиротских домов» для всех стран Европы того времени (5). В фонде Екатеринбургской городской думы сохранилась книга приема младенцев в воспитательный дом. Она учитывала дату поступления ребенка, его имя, возраст, имущество, дату смерти или выхода из воспитательного дома, а также имя няньки, ухаживавшей за ним. Записи в книгу производились с 1 января 1817 г. до момента закрытия дома в 1828 году. Согласно данным этой книги, с 1812 по 1828 гг. в Екатеринбургский воспитательный дом поступило 427 детей, численность же выпущенных воспитанников составила лишь 31 человек.

Цифры смертности детей в Екатеринбургском воспитательном доме ужасают. Из 100 поступивших сюда детей, не дожив до года, умирало 95, срок их жизни на руках надзирательницы или кормилицы составлял часто лишь 1-2 дня. Шанс выжить, как правило, имели младенцы, поступившие в воспитательный дом в возрасте старше 5 месяцев. Показатели смертности детей в Екатеринбургском воспитательном доме намного превышали подобные цифры по подобным столичным учреждениям. Как сообщает главный доктор Санкт-Петербургского воспитательного дома Ф. Депп, в 1826–1833 гг. здесь умирало лишь 17-24 младенца из 100 поступивших на воспитание (6). Детям был обеспечен достаточно хороший уход и медицинская помощь. На каждого ребенка в Петербургском воспитательном доме полагалась одна нянька-кормилица.

Высокая смертность детей в провинциальных воспитательных домах стала одной из причин того, что в 1828 г. правительство решило закрыть эти учреждения и определить их воспитанников к опекунам или мастерам «для воспитания и обучения приличным мастерствам и рукоделиям» (7). Питомцев закрытого Екатеринбургского воспитательного дома взяли к себе на обучение местные мастеровые. Городская дума получила от них подписку с обязательством

содержать воспитанников до их совершеннолетия, как своих собственных детей, предоставлять им верхнюю и нижнюю одежду и обувь, ничем напрасно не изнурять и «в безобразном виде по улицам не водить». Обязывались воспитатели также приучать детей «страху божию и ремеслу, какому они окажутся сходными» (8). Мальчики-подростки из Екатеринбургского воспитательного дома в 1828 г. поступили на обучение к золотых дел мастеру Евдокиму Петровичу Алмазову и московскому цеховому Степану Даниловичу Гольшеву.

Более успешной оказалась деятельность приютов, появившихся в Екатеринбурге во второй половине XIX в. По правилам своего существования приют, как учреждение заботы о детях, несколько отличался от сиротского и воспитательного дома. Если исходить из современных понятий, он соединял в себе черты детского сада для дневного присмотра за детьми, интерната для детей необеспеченных родителей, детского дома для сирот и начального образовательного учреждения. Основы деятельности детских приютов в России заложил Петербургский дом призрения трудящихся, созданный в 1833 г. Анатолием Николаевичем Демидовым. Демидовский дом призрения оказывал помощь малоимущим женщинам, желающим каким-нибудь образом заработать себе на жизнь. Женщины получали здесь заказы на работу, необходимые инструменты и материалы. Инициатором создания приюта при Демидовском доме стал его попечитель И.Д. Чертков. Дореволюционный исследователь А.Ф. Селиванов сообщает, что попечитель заметил частое отсутствие на работе «семейных тружениц», которых отрывала от трудовой деятельности необходимость попечения о малолетних детях, оставшихся дома без присмотра. 15 мая 1837 г., с разрешения Демидова, в Санкт-Петербургском доме призрения трудящихся было создано дневное убежище для детей (9). Первоначально в них получили приют 6 мальчиков и 11 девочек. Через год число детей возросло уже до 112 (10).

Популярность первого в истории России детского сада была настолько велика, что уже через год после его открытия, в 1838 г., правительство учредило особый Комитет главного попечительства детских приютов под руководством императрицы Александры Федоровны. Комитет подготовил Положение о работе детских приютов. 27 декабря 1839 г. оно было высочайше утверждено. Согласно этому положению, приюты в России должны были создаваться в основном на средства общественной и частной

благотворительности. Руководить их деятельностью должны были особые попечительства, в которые входили наиболее уважаемые в губерниях люди. Государство наблюдало лишь за учебным процессом и нравственным воспитанием детей. Согласно Положения 1839 г., детей обучали в приютах читать, писать, считать на счетах и выполнять первые действия арифметики. Большое внимание уделялось также религиозно-нравственному и трудовому воспитанию детей. Одним из основных предметов преподавания был Закон божий, почти везде вводилось церковное пение. Для физического развития детей преподавалась гимнастика (11).

Первый детский приют в Екатеринбурге появился 23 апреля 1857 г. Он получил имя своего основателя – екатеринбургского купца 1 гильдии, почетного гражданина Михаила Ананьевича Нурова. Русское правительство очень осторожно относилось к крупным частным пожертвованиям на общественные нужды. Специальная статья «Учреждения приказов общественного призрения» подчеркивала необходимость обращения особого внимания на поведение и прежний образ жизни жертвователя, ибо «порочные люди могут давать приношение с целью получить награду от правительства сравниться с отличными в обществе людьми» (12). Разрешения на прием частных пособий в пользу общественного призрения высочайше утверждались самим императором после представления министерства внутренних дел.

М.А. Нуров прошел эту строгую проверку. В 1856 г. главный начальник горных заводов хребта Уральского В.А. Глинка сообщил Комитету главного попечительства детских приютов о желании почетного гражданина Михаила Ананьевича Нурова основать в Екатеринбурге детский приют. Купец обязался выделить в пользу приюта 15 тыс. рублей серебром с тем, чтобы внести эти деньги навечно в кредитные установления, а проценты ежегодно отпускать на содержание приюта. Помимо этого он предложил нанять, а затем купить на его деньги дом для детского приюта, для этого М.А. Нуров обещал выделить 4 тыс. рублей серебром. В первый год деятельности детского учреждения купец собирался отпустить на его содержание 1 тыс. рублей серебром и купить одежду для воспитанников (13).

Разрешение на создание Нуровского приюта в Екатеринбурге было получено. Для руководства хозяйственной и нравственно-воспитательной жизнью приюта в городе было создано Горное попечительство детских приютов, которое действовало на тех же

правилах, что и губернские попечительства. Этому права добился для Екатеринбурга главный начальник горных заводов В.А. Глинка. Впоследствии, несмотря на ликвидацию особого статуса горного города, Екатеринбург сохранил это попечительское общество. Председателем его, по традиции, оставался главный начальник горных заводов.

По мысли основателя приюта Нурова, призрение в нем должны были найти 30 детей, однако вскоре после открытия детского учреждения число его питомцев значительно превысило эту цифру. Помимо семейных, приходящих детей, приют принимал сирот и брошенных детей. В 1865 г. для них было открыто специальное ночлежное отделение. Общая численность питомцев Нуровского приюта составляла к 1879 г. составляла 142 человека (в дневном отделении воспитывалось 45 мальчиков и 74 девочки; в ночлежном отделении – 1 мальчик и 22 девочки). Общий капитал приюта составлял 36 536 рублей 69 копеек (14). К 1910 г. он вырос до 70 654 рублей 12 копеек (15)

Пополнялся приютский капитал за счет процентов от первоначально внесенных купцом М.А. Нуровым денег, а также пожертвований горожан. В 1884–1885 гг., например, почетный гражданин Федулов и купец Лобанов пожертвовали 800 рублей на основание при Нуровском приюте стипендии имени А.А. Миславского, почетный член Екатеринбургского горного попечительства купец Симанов выделил 3000 рублей на устройство при приюте больничного помещения, а Екатеринбургская городская дума – 700 рублей на содержание двадцати пансионеров имени государя императора (16). Продолжал поддерживать свое любимое детище и основатель приюта. В частности, в 1877 г. он субсидировал строительство при ночлежном отделении приюта Николаевской домово́й церкви, а в 1870 г. содействовал открытию при приюте ремесленного класса (17). Обучались в нем воспитанники ночлежного отделения, большинство которых составляли девочки.

Ремесленное обучение считалось в те годы одним из самых эффективных средств подготовки к жизни детей из малообеспеченных сословий. Нуровский приют давал своим питомцам навыки ведения домашнего хозяйства, садоводства, огородничества. В 1897 г. девочек начали обучать башмачному ремеслу (18). В 1901 г., по ходатайству горного попечительства, приют получил в бесплатное пользование 16,7 десятин земли в

Березовской горнозаводской даче, где дети смогли заниматься полевыми работами. В здании приюта в это же время были открыты кулинарные курсы, а в помещении благородного собрания – столовая «для отпуска обедов частным лицам». Цена обедам, готовившимся воспитанницами приюта, была назначена самая низкая – в 60, а затем и в 50 копеек, чтобы покрыть расходы на закупку припасов. Летом столовая закрывалась, и дети отправлялись на обучение приготовлению «варений, солений и маринадов – вообще всем знаниям, необходимым, чтобы выработать из воспитанниц смысленных и опытных хозяек» (19). Для поощрения детей, их лучшие работы представлялись на выставках. В 1899 г., например, Нуровский приют отправил свою экспозицию в Петербург, где были представлены в выставочном павильоне Императорского русского технического общества работы детей, «призываемых в яслях, приютах и профессиональных школах» (20).

«Исторгнуть бедных детей из среды нищенства и порока» пыталось и Екатеринбургское благотворительное общество (21). Основано оно было в 1869 г. В первый год своего существования Екатеринбургское благотворительное общество помогало бедным только денежными пособиями, для чего город был разбит на участки, находившиеся под контролем дам-попечительниц. Впоследствии такая практика была признана неэффективной. Общество решило направить свои основные средства на содержание детского приюта, который получил название «Убежище детей бедных в городе Екатеринбурге». Устав его был утвержден министром внутренних дел 10 марта 1872 г. Согласно Уставу, Убежище имело своим назначением «доставление бедным детям обоего пола, без различия сословий, но преимущественно сиротам, приюта и средств воспитания, которое приучило бы их к труду и приготовило к честной и полезной жизни».

По возрасту дети делились на два отделения, старшее и младшее, при этом полагалось выделять места для отдельного их проживания. Младшее отделение принимало детей от 2 до 10 лет, без различия пола, старшее отделение создавало особые группы для мальчиков и девочек. Дети призывались в приюте до 16-летнего возраста, после чего Комитет Благотворительного общества определял бывших воспитанников «на частные места» и оставлял под своим наблюдением до исполнения им 20 лет. Все поступавшие в Убежище дети свидетельствовались врачом, обязательным условием приема при этом оспенная прививка. Надзор за детьми в Убежище

осуществляли надзиратели и надзирательницы. Их деятельность контролировали почетные и действительные члены Благотворительного общества, они имели право посещать приют в любое время. Члены Комитета Благотворительного общества были здесь ежедневно, соблюдая установленную между собой определенную очередность. Обо всех замеченных неисправностях они сообщали на заседаниях Комитета.

Воспитанники Детского убежища находились в приюте постоянно. К родителям или родственникам Комитет отпускал их только на праздники. Дети же, имевшие таких родственников «дурная нравственность которых была известна Комитету» и вовсе не имели права на отлучку. Начиная с 8-летнего возраста, питомцы Детского убежища получали образование в объеме приходского училища, а в свободное от школьных занятий время либо занимались церковным пением, либо обучались под руководством особых мастеров и мастериц таким рукоделиям и ремеслам, какие признавались «наиболее полезными для обеспечения их участи в будущем» (22).

Для попечения о детях из неблагополучной среды Комитет Благотворительного общества снял квартиру. Первоначально в ней разместилось 30 детей, к 1872 г. их было уже 114. Понимая, что дальнейшая деятельность детского приюта в подобных условиях невозможна, Комитет Благотворительного общества объявил подписку о сборе средств на приобретение дома. Подписка дала обществу 9262 рубля 30 копеек, что и дало ему возможность приобрести собственное здание. Финансовое состояние Детского убежища, однако, существенно отличалось от обеспеченного постоянным капиталом Нуровского приюта. Деятельность Екатеринбургского благотворительного общества поддерживалась, в основном, благотворительными пожертвованиями. Действительные члены Екатеринбургского благотворительного общества ежегодно вносили в бюджет от 5 до 25 рублей (в 1910 г. в обществе числилось 98 действительных членов, среди них были не только физические лица, но и различные предприятия – товарищество А.Ф. Второва, торговый дом «Братья Степановы», Русское общество торговли аптекарскими товарами и др.). Действительные члены общества передавали сюда и более крупные суммы. В 1910 г., например, Ф.А. Злоказов пополнил капитал общества облигациями города Екатеринбурга, оцененными в 5 тыс. рублей. Эти облигации составили неприкосновенный капитал имени М.К. Злоказовой (23).

Существенной была помощь земства. В 1871–1886 гг. Екатеринбургское уездное земство передавало благотворительному обществу от 500 до 1500 рублей в год. Пермское губернское земство стало оказывать помощь Екатеринбургскому благотворительному обществу в 1877 г. Взносы его в 1877–1886 гг. составляли от 172 до 800 рублей (24).

Несмотря на ограниченные средства, Екатеринбургское детское убежище имело достаточно большой контингент воспитанников. К 1900 г. здесь проживало 113 детей, из них 52 мальчика и 61 девочка. Призывались здесь и приходящие дети. В 1899 г. благотворительное общество устроило для них детские ясли. Жизнь воспитанников детского приюта были достаточно строго регламентирована. Дети вставали в полседьмого утра, заправляли постели, умывались и, после пения и исполнения утренней молитвы, завтракали (обычно на завтрак давали чай и порцию белого хлеба). В 8 часов начинались занятия в двух старших отделениях школы, для девочек и для мальчиков. Младшее отделение начинало занятия в 9 часов. Классные занятия продолжались до двенадцати тридцати. Затем дети обедали (на стол обычно подавали два блюда) и отдыхали до двух часов дня. Если была хорошая погода, им разрешали выходить во двор или в сад. Летом по праздничным дням устраивались прогулки за город.

С двух до четырех часов девочки занимались рукоделием или работали в прачечной. Воспитанницам из старшего отделения при этом доверяли чистку и глажку белья. В приюте было введено обучение девочек шитью платья и белья. В 1910 г. комитет благотворительного общества пригласил также специальную учительницу для занятий по плетению кружев, несколько девочек обучались художественным работам на швейных машинах в магазине Зингер. Самостоятельно поддерживали ребята и порядок в помещениях. Они исполняли различные домашние работы, дежурили на кухне, в спальнях, классах, а летом работали в огороде, поливали, пололи и собирали овощи. Мальчики обучались ремеслам, для чего Комитет нанимал специальных мастеров. В приюте обучали детей портняжному и сапожному делу. Для размещения ремесленной школы в 1896 г. было отремонтировано одно из каменных зданий, находившихся во дворе Убежища. Исполнялись в приюте и частные заказы. В 1910 г., например, это была чистка белья и «завертывание конфет на магазин С.И. Афонинной» (25). Изделия воспитанников

приюта употреблялись по назначению, обществу не приходилось платить за изготовление обуви и одежды.

В четыре часа дня воспитанники получали порцию белого хлеба, а, если были пожертвования, то и чай. Затем, в течение часа (от 5 до 6 часов вечера) они готовили уроки к следующему дню, и вновь работали или посещали дополнительные занятия. Девочки занимались домашними работами от полседьмого до восьми вечера, а мальчики в это время обучались пению. В восемь часов дети ужинали и, после пения и вечерних молитв, отправлялись спать. Церковное пение и присутствие на службах способствовали религиозно-нравственному воспитанию питомцев Убежища. Церковь была построена благотворителями на земле, принадлежавшей обществу. Дети посещали службы, а наиболее способные участвовали в церковном хоре. Питомцы приюта имели и культурный досуг. Для чтения здесь имелась небольшая библиотечка, состоявшая из детских книг и журналов. В 1911 г. был организован небольшой оркестр, так как на рождество 1910 г. некоторым питомцам подарили балалайки и несколько гитар.

Оценивая в целом воспитательную деятельность екатеринбургских приютов, можно отметить, что они не только служили призрению сирот и детей из малообеспеченных семей, но и давали им основы профессии, что позволяло выпускникам быстро и без дополнительной помощи устраивать свою жизнь.

-
1. Соколов А.Р. Благотворительность в народном образовании и ее роль в трансформации российского общества. СПб., 2005. С. 17.
 2. Исаева М.В. Призрение детей в России во второй половине XVIII века // Благотворительность в России. Исторические и социально-экономические исследования: сб. науч. тр. СПб., 2007. С. 81.
 3. ГАСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 633. Л. 446.
 4. ГАСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 633. Л. 445 об.-446.
 5. Исабель де Мадариага. Россия в эпоху Екатерины Великой / Пер. с англ. Н.Л. Лужецкой. М., 2002. С. 781.
 6. Депп Ф. Медико-статистическая записка об Императорском Санкт-Петербургском воспитательном доме в течение 1830, 1831, 1832 и 1833 годов, составленная главным доктором оного Филиппом Деппом. СПб., 1835. С. 47, 49, 52, 53.
 7. Выписка из отчета Министерства внутренних дел за 1828 год // Журнал МВД. 1829. Кн. 2. С.260.
 8. ГАСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 656. Л. 74.

9. Селиванов А.Ф. Воспитательные, сиропитательные и сиротские дома, приюты для подкидышей и приюты для малолетних // Общественное и частное призрения в России. СПб., 1907. С. 209.
10. Благотворительная Россия. Т.2. СПб., 1912. С. 89.
11. Отчет по Ведомству детских приютов, состоящих под непосредственным их императорских величеств покровительством за 1874–1879 годы. СПб., 1881. С. 49.
12. Свод законов Российской империи. Изд. 1842 г. Т. 13. Ч. 1, 2. Ст. 605.
13. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 759. Оп. 101. Д. 106. Л. 1-2.
14. Отчет по Ведомству детских приютов, состоящих под непосредственным их императорских величеств покровительством за 1874–1879 годы. СПб., 1881. С. 74, 110.
15. Отчет по Ведомству детских приютов, состоящих под непосредственным их императорских величеств покровительством за 1909 год. СПб., 1910. С. 238.
16. Отчет по Ведомству детских приютов, состоящих под непосредственным их императорских величеств покровительством за 1884 и 1885 годы. СПб., 1887. С. 24, 34.
17. Благотворительность на Урале. Екатеринбург, 2001. С. 38.
18. Отчет по Ведомству детских приютов, состоящих под непосредственным их императорских величеств покровительством за 1897 год. СПб., 1899. С. 31.
19. Отчет по Ведомству детских приютов, состоящих под непосредственным их императорских величеств покровительством за 1901 год. СПб., 1903. С. 83, 115.
20. Вестник благотворительности. 1899. №3. С. 98.
21. Отчет о деятельности Екатеринбургского благотворительного общества за 1900 год. Екатеринбург, 1901. С. 4.
22. Пермские губернские ведомости. 1872. №94.
23. Отчет о деятельности Екатеринбургского благотворительного общества за 1910 год. Екатеринбург, 1911. С. 5.
24. Отчет о деятельности Екатеринбургского благотворительного общества за 1886 год. Екатеринбург, 1887.
25. Отчет о деятельности Екатеринбургского благотворительного общества за 1910 год. Екатеринбург, 1911. С. 8.

**Зайцева А.В.
(Екатеринбург)**

**Женщины в партийном руководстве Свердловской области
в послевоенный период**